

Л. Н. Сладкова

НОВЫЕ НАХОДКИ АНТРОПОМОРФНОЙ ГЛИНЯНОЙ ПЛАСТИКИ С РЕКИ КОНДЫ

В фондах Тобольского музея хранится не очень большая, но репрезентативная коллекция глиняной пластики, в которой выделяется группа так называемых антропоморфных изображений. Самым ранним из публикуемых в данной статье экземпляром является фигурка лежащего “человечка” (рис. 1/3), поступившая от административно ссыльного Тимофея Ивановича Миронова, производившего или участвовавшего в “раскопках городка на р. Болчарке, Кондинской волости” летом 1908 года (1). Фигурка плоская длиной 4,8 см, шириной 3,3 см, толщиной 1,1 см. Поза изображенного лежащая с высоко поднятой головой, как если бы он лежал на высокой подушке-подкладке. Голова оформлена зашипом края кусочка глины так, что ширина лица и туловища почти равны. Лицо затерто и имеет подтреугольную форму. Тыльная часть фигурки отделана небрежно и свободна от орнамента. Лицевая сторона покрыта орнаментом из заштрихованных секторов, выполненном в отступающе-накольчатой технике концом тонкой полый трубочки (травинкой или срезанным птичьим пером). Контур лица выделен двойной неровной линией наколов.

В отличие от остальных известных по публикациям фигурок, у этой есть только одна близкая аналогия - опубликованная В. И. Мошинской фигурка из Роданова, которая “изображает не сидящего, а лежащего человека” [1959, рис. 65/1] также с круто приподнятой головой. Правда, по публикации не совсем понятно, были ли разделены у фигурки ноги. Но судя по орнаменту, нанесенному ниже пояса и акцентирующему внимание на области лобка, ноги должны быть разделены. У аналогичной фигурки из Болчар ноги тоже обломаны, но по сохранившейся части видно, что они были, были разделены, достаточно широко расставлены и, как у всех фигурок, символически короткими. У обеих фигурок обломан верх головы (у родановской фигурки - почти вся голова). Судя по публикации, голова родановской фигурки тоже была плоской и широкой, почти на ширину туловища, на что указывает лента, перекинутая вокруг шеи, которая держит круглую бляху на груди. Ширина шеи и туловища почти одинакова. В. И. Мошинская предполагает у фигурки из Роданова наличие рук, “вытянутых вдоль корпуса”. У болчаровской фигурки рук нет, но на ней выделяется след от налепа во всю грудь в форме уголка острием вниз. Кусочек налепа сохранился на левой стороне верхней части фигурки. Возможно, что так могли быть выделены сложенные на груди руки. Я же больше склоняюсь к возможности утверждать, что налепом была изображена бляха на ленте, перекинутой вокруг шеи. Рукам, скрещенным на груди, аналогий нет, а круглые бляхи на лентах встречены в четырех случаях, в трех из них в комплекте с широким особо выделенным поясом, который В. И. Мошинская определяет как орнаментальную полосу по подолу парки [1959, с. 184]. Это две фигурки с Рачевского городища в низовьях р. Иртыша [Терехова, Широков. 1986, рис. 2/1], упоминавшаяся фигурка из с городища Роданова на р. Каме и вторая фигурка из Болчар на р. Конде, представленная в данной публикации. “Выпрямленная поза” двух фигурок с Барсова городка 1/31 [Федорова, 1979:145] и одной из Рачевского II городища [Терехова, Широков. 1986, рис.2/9], возможно, тоже является “лежащей”.

Следует еще раз подчеркнуть редкость “лежащей” позы родановской и болчаровской фигурок. Поза покоя характерна для спящего и умершего человека. Спящий человек в

подпоясанной нарядной одежде с бляхой на груди, с головой, положенной на что-то высокое — наверное, это не обычная картинка. Возможно, это мифологический образ отдыхающего богатыря. В хантыйских и мансийских сказках встречается сюжет брачного ухаживания и выражения близких, доверительных отношений в словесном обороте “положить голову на колени” женщине и в просьбе “поискать в голове”, что одно и то же [Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990.: 95]. В фондах нашего музея есть фотография начала XX века с такой, видимо, классической сценкой: женщина сидит на земле с вытянутыми ногами, мужчина лежит сбоку от нее расслабленно на спине с руками вдоль корпуса и положенной на женские колени головой. Выражение лиц у обоих блаженное. Подпись с обратной стороны фотографии гласит: “Остячка ищет в голове у остяка”. Позы лежащих керамических средневековых фигурок и мужчины с фотографии XX века идентичны.

Эта фигурка из Болчар была найдена вместе с керамикой оронтурского, отчасти вожпайского и кинтусовского типов и может быть датирована концом I - началом II тыс. н. э. Оронтурской керамики в коллекции Т. И. Миронова больше. Это фрагменты сосудов, орнаментированные фигурными ромбическими, кольцевым и треугольными штампами, украшенные по шейке узкими желобками и валиками с насечками поверху, рядами мелких полукруглых скобочек и косо поставленных коротких змеек, уголками.

Вторая фигурка из Болчар довольно типична (рис. 1/2). Она поступила в музей в 1968 году от некоей Бурыхиной (2). Возможно, что фигурка взята с того же городка, что и первая, только шестьдесятю годами позже. Размеры: длина 7 см, ширина 4,4 см, толщина по перегибу 2 см. Лицевая часть фигурки тщательно орнаментирована очень тонкими наколами, возможно, концом рыбьей косточки. Лицо обозначено кружком. На груди на широкой ленте висит крупная круглая бляха со спиральным узором. Глухая короткая одежда, в которой В. И. Мошинская видит парку [1959.: 184], подпоясана широким нарядным поясом. Широкою орнаментальную полосу на уровне бедер я склонна считать поясом, а не краем подола парки. Охотникам и рыболовам он просто необходим. К нему крепятся нож, кресало, точило. Возможно, именно они схематично изображены в контексте орнамента: на правой ноге фигурки - нож в ножнах, на левой - круглый мешочек на ремешках. Мужчины таежных и северных народов носят пояс очень низко, как это и изображено в орнаменте на фигурках. Штаны и парка украшены прямыми линиями и зигзагами вертикальной зональности. По поясу идет горизонтальный зигзаг. Вообще в орнаменте большинства фигурок содержится элемент “зигзаг” и “волна”, которые С. В. Хабарова считает обозначением “границы между мирами”, “пути движения в иные миры” [1999.: 208].

Фигурка изображает человека в полусидячей-полулежащей позе, так что ноги остаются приподнятыми в воздухе. Такую позу придает ей служащий опорой поперечный зацеп на тыльной стороне. Руки не выделены, ноги короткие, разделены и вытянуты вперед. В целом она напоминает позу саночника, летящего с крутой горы. В некоторых хантыйских сказках об умерших говорится, что они едут в мир мертвых с горы. Кто бедный - тот на глиняном черепке, а кто богатый - тот в бронзовом котле. В сказке “Унху” лесной дух сталкивает человека-гостя с горы, т.е. из того мира в человеческий [Мифы ..., 1990.: 195]. Кроме того, с горы любят кататься сами менквы. У славян тоже известен архаичный обряд “сажания стариков на лубок” - специально выдолбленную небольшую колоду, в которой решивших умереть стариков по собственной их воле возили прощаться с деревней, после чего, привязав старика к лубку, сталкивали в глубокий овраг [Велецкая, 1978.: 42-79]. В этой связи очень интересен вопрос об уходе стариков из этой жизни в угорской культуре.

Голова фигурки маленькая, теменная часть оформлена желобком так, что края желобка напоминают то ли рожки, то ли ушки, то ли зубцы. У сибирских народов раньше был широко распространен способ изготовления капюшона или шапки из шкуры с головы животного, причем уши оставались на месте, иногда уши специально нашивались

Археологические исследования

[Аммосова, 1989, с. 42, фото]. На известной бронзовой бляхе из Березова на темени трех пляшущих менквов изображено по три зубца, по мнению А. А. Спицына, “по три уха” [цит. по: Чернецов, 1957, с. 189]. В. Н. Чернецов интерпретирует зубцы как обозначение многоголовости, в данном случае трехголовости. “В угорском фольклоре менквы выступают как одно-, двух- и трехголовые, причем в деревянной скульптуре современных хантов трехголовость изображается именно в виде трехзубого темени” [Чернецов, 1957: 190]. Все менквы на бляхе подпоясаны. Возможно, что поза, пояса с зигзагами и зубцы на головах глиняных фигурок могут обозначать принадлежность к миру сверхестественного.

Самыми близкими аналогами этой фигурке из Болчар являются фигурки Рачевского комплекса по наличию пояса и блях на груди [Терехова, Широков, 1986, рис. 1/4,9; 2/1], отчасти фигурка из юрт Кинтусовых по спиралевидной треугольной фигуре на груди [Чернецов, 1957: 226, табл. XLII/9], фигурка из Ликинского могильника [Викторова, 1968, с. 251, табл. III/2], Долговского I городища VIII-IX вв. [Адамов, 1999: 221] и городища Уки II X-XII вв. [Могильников, 1987, цвет. фото/18] по оформлению “ушек” или “зубцов” на голове и “лежащая” фигурка из Роданова по наличию бляхи и пояса. Есть интересный и неожиданный аналог спиралевидному лицу зубчатоголовой (по интерпретации Чернецова, двухголовой) фигурки с Ликинского могильника [Викторова, 1968: 251, табл. III/2]. Это матерчатая ненецкая кукла в распашной верхней одежде, привезенная в 1916 году с р. Надым (?) экспедицией Гр. Дмитриева-Садовникова и хранящаяся в фондах нашего музея. Ее лицо выполнено путем спирального скручивания длинной полоски ткани (3). Н. Н. Федорова также упоминает о матерчатой “пимской кукле, стоящей среди других несколько особняком - головка ее сделана в виде круга, образованного спиралью” [1999: 206].

Третья фигурка происходит из поздних слоев Чертовой горы (раскопки автора 1988 года), расположенной на р. Запорке, правом притоке р. Конды в районе п. Междуреченский (среднее течение р. Конды). Найдена она была на юго-восточном склоне горы в зоне текучести культурного слоя. Размеры: высота 3,5 см, ширина 3,6 см, толщина по перегибу 1,6 см. (рис. 1/1). На спине ногтевыми защипами сделано пять продольных валиков: по два с обеих сторон от центрального. Лицевая сторона орнаментирована концом острой палочки в отступающе-накольчатой технике. Верх и низ изображенного существа разграничены по перегибу прямой горизонтальной полосой. Прямые линии, расходящиеся от головы в обе стороны и опускающиеся к поясу создают впечатление “горы”, или чума, или шести вложенных друг в друга по принципу матрешки разновеликих треугольников с одним основанием, что напоминает убегающий вдаль туннель. Низ фигурки орнаментирован чередующимися зигзагами и сдвоенными прямыми линиями. Изображенное существо рождает образ Хозяина, довольно мрачного, но крепкого, от которого веет силой и куда ведут все дороги. Особенностью фигурки является сутулость осанки, выражающаяся в ушедшей в плечи голове и оформлении самой головы в виде короткого валикообразного выступа вперед и вниз. Это придает ей некую зооморфность, скорее даже орнитоморфность. Голова очень напоминает зооморфные налепы на неолитических сосудах [Мошинская, 1976: 28; Ковалева, Арефьев 1993], которые иногда удачно называют “мордами” и головы птиц на бронзовых отливках Истяцкого клада. Поза и оформление “морды” неожиданно сближают ее с эмбрионовидной фигуркой с поселения Большой Ларьяк III эпохи бронзы [Мошинская 1976, табл. I; Посредников 1973: 233]. Без сомнения, фигурка с Чертовой горы изображает какое-то существо, которое трудно назвать человеком.

Наиболее близкими аналогами по осанке и форме головы являются фигурка с городища Барсов Городок 1/31 [Федорова 1979: 150, рис. 1/6] и хранящаяся в фондах нашего музея еще не опубликованная миниатюра с Болчаровского городища (раскопки 1986 г. С.И. Шумайлова). Фигурки с защипами на спине известны с Рачева [Терехова, Широков 1986, рис. 1/3,7,8; 2/2,3,13] и с поселения Песьянка 7 [Пархимович 1996].

Фигурка найдена в слое рядом с портупейной бронзовой круглой бляшкой-тройником

(рис. 1/4) для распределения ремней поясной гарнитуры [Могильников 2002.: 116], наиболее близкие аналоги которой находим в одном из погребений караякуповской культуры Южного Урала опубликованной в 20-томном издании "Археологии СССР" [Мажитов 1981.: 171, рис. 55/83] и в кургане 3 могильника Чингис-2 на самом юге Новосибирского Приобья верхнеобской культуры [Троицкая, Новиков 1998.: 56, 113, рис. 26/39,40]. Обе находки датируются в пределах VIII-X вв., что подтверждает датировку фигурки по бляшке-тройнику.

Все имеющиеся в моем распоряжении по публикациям и из наших фондов фигурки можно разделить по позе на два основных типа: сидячие и лежащие. Сидячие фигурки по форме головы представляются птицеобразными и антропоморфными. В группе антропоморфных фигурок выделяются мужские с выделенными ногами и женские без ног. Среди мужских особняком стоит группа фигурок с бляхами на груди и широкими декоративными поясами, которые ассоциируются с образом "богатыря". Третья группа сидячих фигурок представлена безголовыми, украшенными абстрактным орнаментом, чаще всего солярным или геометрическим меандровым. Такие фигурки не имеют выделенной головы, хотя иногда на них нанесены личины, они требуют для своего осмысления ментального напряжения, они связаны с областью идей, скрытой закодированной, сакральной информации.

Социальный опрос и экспериментальная лепка показали, что каждая из выделенных групп фигурок вызывает сходные отзывы у многих людей. Исходя из этого, я предполагаю, что они служили для разных целей. Учитывая мифологичность средневекового мировоззрения, эти цели были магическими. И каждая фигурка была призвана помочь в управлении какой-то частью человеческого мира. Птицеобразные могли напоминать о бренности жизни, о неведомом, бесконечном и вечном вокруг пятачка земной человеческой жизни, ведали пограничными состояниями между жизнью и смертью, вели душу человека из мира людей в иной мир. "Когда я умру, черным вороном полечу" - говорится в одной из священных хантыйских песен [Молданова, 1999.: 135]. Антропоморфные наверняка выполняли много функций в повседневных мирских отношениях, начиная от разборок между людьми и заканчивая взаимоотношениями с богами и духами. Они могли применяться и в колдовстве, и в обрядовой магии, связанной с жизненным и производственным циклами, и быть предметами жертвенных отправлений. Какие-то из них, может быть, служили моделями одежды и даже игрушками. Но даже игрушка, к чему склоняются большинство исследователей, отражает какой-то образ, взятый из жизни, или из рассказов взрослых. А слово в древности на ветер не пускалось, поскольку оно обладает реальной силой воплощения, о чем в сказках, легендах и мифах хантов и манси мы имеем возможность убедиться на каждом шагу. Не стоит отвергать и просто творческого импульса. Человек изображал себя во все времена и во всех видах, формах и материалах. Наверное, это единственное существо на Земле, которое само творит свой Образ и глядится в него как в зеркало. Возможно, этот культ несет на себе и след процесса национального самоосознания, который выразился в мифологии и глиняной пластике "богатырской" темой. Абстрактные фигурки на мой взгляд отражают передачу тайного знания, до нас не дошедшего или пока еще не востребованного.

Чаще всего сознание выделяет "первое", "последнее", "необычное" и "значительное" в жизни индивида и общества. Именно эти качества явлений и событий занимают ум и подталкивают к осознанности разнообразных связей в мире и последующему целенаправленному действию. Фрагменты таких действий мы и имеем возможность видеть в предметах глиняной пластики.

1. Книга поступлений Тобольского музея. Инв. - 4515, 695-II, 4053.

2. Книга поступлений Тобольского музея. Инв. - 4053.

3. Книга поступлений Тобольского музея. Инв. - 16949/4; 7464; 1929.

Археологические исследования

- Аммосова Е. Е. Ремесла предков вчера и сегодня. Якутск, 1989
- Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978, 237с.
- Викторова В. Д. Памятники лесного Зауралья в X-XIII вв. н. э. // Ученые записки Пермского ГУ. - 191. Пермь, 1968, с. 240-256.
- Ковалева В. Т., Арефьев В. А. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993, с. 107-119.
- Мажитов Н. А. Южный Урал в IX - начале X в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981, с. 80-82.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
- Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987, с. 163-235.
- Могильников В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX - XI веках. М., 2002.
- Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск. 1999.
- Морозов В. М., Панина С. Н. Городище Янычково (предварительные результаты исследования) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург, 1997, с. 76-91.
- Мошинская В. И. Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири. КСИИМК, вып. 75, 1959, с. 180-184.
- Мошинская В. И. Об одной категории западносибирской мелкой пластики // КСИА, вып. 136, 1973, с. 83-85.
- Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.
- Пархимович С. Ю. Новая находка глиняной пластики // Словоцковские чтения. Тюмень, 1996, с. 135-137.
- Посредников В. А. Работы на р. Вах // Археологические открытия 1973 г., М., 1973, с. 233.
- Сладкова Л.Н. Отчет о раскопках Чертовой горы в Кондинском районе Тюменской области летом 1988 года. Тобольск, 1989.
- Терехова Л. М., Широков В. Н. Глиняная культовая пластика Рачевского археологического комплекса // Проблемы урало-сибирской археологии. ВАУ, - 18. Свердловск, 1986, с. 131-138.
- Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998.
- Федорова Н. В. Новые находки мелкой антропоморфной пластики на поселениях конца I тыс. н. э. в Среднем Приобье // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1979, с. 145-151.
- Федорова Н. Н. Традиционная детская кукла хантов. Типология. Семантика // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума "Культурное наследие народов Западной Сибири" (12-16 декабря, 1999 г., Тобольск). Тобольск-Омск: ОмГПУ, 1999, с. 205-206.
- Хабарова С. В. Этнографические параллели андроновским орнаментам // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума "Культурное наследие народов Западной Сибири" (12-16 декабря, 1999 г., Тобольск). Тобольск-Омск: ОмГПУ, 1999, с. 207-208.
- Чемякин Ю., Карачаров К. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки традиционного землепользования хантов. (Материалы к атласу). Екатеринбург, 1999, с. 60.
- Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. 1957, МИА, - 58, с. 136-245.